

УДК 347.97

Даровских Кирилл Игоревич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет права
Россия, Москва
kirilldarovskih@mail.ru
Darovskikh Kirill
HSE University
Faculty of Law
Russia, Moscow

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ

Аннотация: в статье рассматривается деятельность судебных инстанций, осуществляющих пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, с точки зрения их множественности в сравнении с зарубежными судебными системами. Представлены судебная практика и доктринальные подходы по поводу принципа правовой определенности, а также целесообразность его существования в российской судебной системе. Сделано заключение о прямой зависимости количества судебных инстанций и права на судебную защиту.

Ключевые слова: судебная система, кассационные инстанции, надзорная инстанция, правовая определенность, право на судебную защиту.

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY WITHIN THE PLURALITY OF COURTS

Annotation: in the article are examined the activities of courts that have cassation and supervisory jurisdiction from the point of view of their plurality in comparison with foreign judicial systems. There are presented judicial practice and the doctrine

regarding the principle of legal certainty as well as the expediency of its existence in the judicial system in Russia. It is concluded that there is the direct dependence of the number of courts and the right to judicial protection.

Key words: judicial system, courts of cassation, court of supervision, legal certainty, right to judicial protection.

В первом приближении, значительная разветвленность судебной системы без привязки к конкретному виду судопроизводства не представляет какой-либо преграды для надлежащего функционирования института пересмотра судебных актов, однако в настоящий момент российское процессуальное законодательство все еще осложнено длинной чередой судебных инстанций, через которые потенциально может пройти каждое дело. Сложившееся положение есть правовой диссонанс между реализацией судами своих полномочий так, как это предусматривают соответствующие положения процессуальных кодексов, и принципом правовой определенности по смыслу разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Рассмотрение заявляемого противоречия следует начать с некоторых институциональных вопросов. Если обратиться к опыту построения судебных систем зарубежных государств, то становится очевидно, что как в англо-американской, так и в романо-германской не предусмотрено несколько судебных инстанций для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. В этом смысле вопрос несоответствия принципу правовой определенности не стоит, поскольку исправление возможных критических ошибок, допущенных нижестоящими судами, осуществляется единожды и на самом высоком уровне, а такое решение является окончательным на национальном уровне без учета пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, особенно если суд, рассматривающий дело, одновременно выполняет функции судебного конституционного надзора.

Иная ситуация сложилась в российской судебной системе. За последние годы институт пересмотра судебных актов претерпел ряд изменений, обусловленных в том числе подвижками в сторону концепции «одно звено — одна инстанция», в частности, в 2010 году при наделении президиумов верховных судов субъектов РФ и Судебных коллегий Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) полномочиями кассационных инстанций и передаче надзорных полномочий Президиуму ВС РФ, а также в 2019 году в ходе создания отдельных апелляционных и кассационных судов. Тем не менее, в настоящий момент в России все еще существует трёхинстанционный пересмотр: кассационное в специальных кассационных судах и в Судебных коллегиях ВС РФ, а надзорное в Президиуме ВС РФ.

Безусловно, такая система пересмотра вступивших в законную силу судебных актов является воронкообразной в том смысле, что до надзорной инстанции доходят единицы дел, поскольку каждая последующая инстанция имеет собственные, сужающиеся правовые основания для пересмотра дела. Более того, предполагается, что множественность судебных инстанций в таком случае нивелируется сроками, в рамках которых нижестоящее судебное решение может быть пересмотрено. Однако представляется, что указанные обстоятельства не могут служить оправданием для дальнейшего существования трёхинстанционного пересмотра, поскольку оно противоречит принципу правовой определенности.

Важно отметить, что сам по себе принцип правовой определенности прямо не закреплен в российском законодательстве, однако его действие в российской правовой системе обеспечивается международными обязательствами РФ [1]. Следует полагать, что в таком случае законодательное формулирование на национальном уровне принципа правовой определенности не требуется ввиду того, что, например, в решениях КС РФ он рассматривается как общепризнанный, общеправовой, а также является одним из основных элементов верховенства права [6, с. 133], которое, в свою очередь, является

составной частью конституционного права на судебную защиту. Иными словами, принцип правовой определенности изначально содержится внутри универсальной правовой нормы и нуждается лишь в надлежащем толковании.

Помимо решений КС РФ, понятие принципа правовой определенности и его элементов выработано, прежде всего, в ряде позиций ЕСПЧ, что, однако не является фактором, предопределяющим само его существование, поскольку он есть неотъемлемая часть положений ст. 46 Конституции РФ, а потому следует полагать, что обозначенный принцип влияет в том числе на институт пересмотра судебных актов внутри российской судебной системы безотносительно к тому, как складываются отношения России и ЕСПЧ.

Несмотря на это, наиболее полное понимание пределов принципа правовой определенности дает именно ЕСПЧ, указывая, что пересмотр вступивших в законную силу судебных актов направлен, в первую очередь, на исправление судебных ошибок и не является скрытой формой обжалования, а его основанием не может быть наличие двух точек зрения по одному вопросу [3]. Аналогично КС РФ ставит целью пересмотра устранение неоспоримых фундаментальных нарушений [2].

При этом практика деятельности множественных судебных инстанций, которые пересматривают вступившие в законную силу судебные акты, является порочной, поскольку все выполняющие кассационные и надзорные функции инстанции пользуются одинаковыми процессуальными средствами, выявляют существенные ошибки в применении процессуального законодательства и рассматривают вопросы права [5, с. 67]. Различие состоит лишь в том, что эти инстанции могут различаться по подготовке и квалификации их судебного корпуса и соответствующих составов, рассматривающих дело, а значит, вероятно, наиболее обоснованное и взвешенное решение будет получено у судей ВС РФ, а не в кассационных судах.

Так или иначе, ЕСПЧ игнорирует такой российский трёхинстанционный пересмотр: подача жалобы по гражданским, арбитражным и делам из

публичных правоотношений возможна после рассмотрения в Судебной коллегии ВС РФ, а по уголовным — после рассмотрения в кассационном суде. Иными словами, ситуация, при которой вторая кассационная инстанция или надзорная инстанция исправляет существенные ошибки, допущенные нижестоящей инстанцией, которая в свою очередь также должна была исправлять эти ошибки, ставит под сомнение правосудность таких решений.

Справедливо отмечается, что принцип правовой определенности не соответствует срочному характеру российского судопроизводства [4, с. 338], поскольку в большинстве европейских государств не установлены сроки рассмотрения дел, а потому множественность судебных инстанций поставила бы под угрозу, например, нормальный гражданский оборот. Напротив, установленные в российском процессуальном законодательстве сроки способствуют минимизации ожиданий, однако следует отметить, что сам по себе вопрос существования таких сроков дискуссионный, а потому применение или неприменение принципа правовой определенности частично ставится в зависимость от исхода такой дискуссии.

Также представляется несостоятельным тезис об ошибочности позиции ЕСПЧ по поводу того, что наличие двух точек зрения по одному вопросу не может быть основанием для пересмотра, поскольку это сигнализирует о предполагаемом наличии судебной ошибки для соответствующей инстанции [4, с. 326]. В этом смысле следует предположить, что российская доктрина следует по пути поиска в суде единственного верного решения, которое впоследствии долгие годы будет безальтернативно применяться в позициях нижестоящих судов. Безусловно, такая точка зрения имеет место на существование, однако она снова ставит принцип правовой определенности в зависимость от дискуссии — может ли быть в надзорной инстанции найдена объективная истина или для ее поиска необходимо учредить дополнительные кассационно-надзорные инстанции.

Тем не менее, принцип правовой определенности не следует рассматривать как спорный элемент и ставить его существование под условие, поскольку он является неотъемлемой частью права на судебную защиту. Наряду с этим правом, правоприменитель реализует и защищает принцип правовой определенности, который есть частное от общего. Именно поэтому множественность кассационно-надзорных инстанций, которые не в полной мере обеспечивают право на судебную защиту, в контексте указанного принципа невозможна, а российская судебная система постепенно может быть переориентирована на одно- или двухинстанционный пересмотр вступивших в законную силу судебных актов.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2012 № 662-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П» [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision98903.pdf> (дата посещения: 27.11.2022).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19704.pdf> (дата посещения: 27.11.2022).

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 № 52854/99 «Дело Рябых против России» [Электронный ресурс] // База решений ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61261> (дата посещения: 29.11.2022).

4. Князькин С.И. Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе. // Вестник СПбГУ. Право. 2020. № 2. С. 319–341.

5. Прошляков А.Д., Мерзлякова М.В. Влияние принципа правовой определенности на реализацию правила инстанционности в практике судов кассационной инстанции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 66–69.

6. Усачев А.А. Правовая определенность как основа уголовного судопроизводства: от теории к совершенствованию законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 129–140.